

Наталья Попова

Мертвый город

Пролог

— Я тебе изменил.

Она сидела, скорбно склонив спину, как несчастный убогий горбун. Даже сейчас, после этих слов, от которых она вся съежилась и затряслась от боли, он не испытывал к ней жалости. Она была ему противна. Он хотел снова и снова причинять ей страдания, разрезать ее на части, как праздничный пирог и жадно смотреть, что находится у нее внутри. Она подняла на него усталые глаза, обрамленные красной каймой безысходности. Губы нервно дернулись, превратившись в ломаную линию, она еле слышно спросила:

— Зачем?

Только она могла задать такой тупой, ничемный вопрос. Жалкая. Неприятная. Навязчивая, вечно лебезящая перед ним. Навсегда превратившаяся в его бледную тень.

— Я не люблю тебя, — произнес он четким, уверенным речитативом. И добавил, целясь в самое сердце: «И никогда не любил».

— Я знаю, — она всхлипнула, отвернувшись, спрятала лицо в руках.

Он встал и подошел к окну, меряя широкими, уверенными шагами их маленькую закопченную кухню. На улице было темно. Ветки деревьев отчаянно бились в окно, длинный несуразный фонарь пьяно покачивался, нехотя освещая неуютный, словно перевернутый вверх ногами, крохотный мир.

Он щелкнул зажигалкой, жадно втянул в себя дым. Неожиданно ему стало не по себе. Жалость и превосходство, нежность и презрение смешались в его крови, покалывая изнутри острыми шипучими пузырьками. Он не хотел смотреть на нее. Он хотел уйти. Закрыть дверь и забыть обо всем. Зачеркнуть, замазать, вырезать из жизни эти пять нелепых, черно-белых застывших лет. Он чувствовал бурлящий снаружи пряный воздух свободы. Еще немного, и он покинет это грязное, холодное место. Он ощущал себя почти счастливым. В теле образовалась приятная легкость, сердце колотилось отчаянно, нетерпеливо, его мощные жернова безжалостно перемалывали бурлящую кровь. Как будто он болел тяжелой лихорадкой, и вдруг разом выздоровел, и только легкая слабость все еще жила в его высохшем пожелтевшем теле. Или, он в одно мгновение прозрел после долгих лет жизни в душной непредсказуемой темноте. И в лицо ему бил яркий ослепляющий свет.

Сначала они просто спали вместе. Потом

начались совместные завтраки с терпким обжигающим кофе, ее звонкий залиvistый смех, ее неуверенные мечты, ее вечно просящее лицо и горькие слезы ожидания. Эти слезы прожгли в нем дыру. Насквозь. До самых костей. И он женился на ней. Банально и просто, в один из безликих будничных вторников. Как будто пожарил яичницу. Потом был общий быт и немного секса. Съемная квартира, новые занавески, переполненное мусорное ведро, грязная посуда, запах вареной капусты. Потом в его душу прокралось раздражение. Он не мог от нее укрыться. Он уходил на работу и она провожала его своим мокрым, резко пахнущим зубной пастой, поцелуем. Он возвращался, а она уже ждала его, затаившись в тесной полутьме прихожей. Он просыпался, а она дышала ему в лицо. Он засыпал, а она обнимала его, прижимаясь к нему своим вязким настойчивым телом. Раздражение крепло внутри него, пускало кривые мощные корни, прорастало в нем спутанными ветвями. И вот, наконец, оно предстало во всем своем мрачном великолепии: даже ее спокойный, участливый голос стал казаться ему мерзким, скрипучим, оглушающим. Невыносимым. Вслед за раздражением пришло отвращение. Ее молочная кожа, липкие прикосновения, жесткие непослушные волосы, драные тапки, — все это поднимало в нем волну неприятия и отторжения.

Он плакала, а он лежал, безучастно отвернувшись к стене. Она умоляла о сочувствии, внимании, ласке, а он срывался на крик. Ее присутствие утомляло. Ее маленькие радости казались ничтожными и кололи противными острыми иголками. Ее показное равнодушие и четко прорисованная гордость плясали в глазах яркими назойливыми пятнами.

Потом пришла ненависть. Он лелеял ее внутри себя, он обеспечил ей надлежащий уход. И однажды она вырвалась наружу. Он ударил ее наотмашь: скользкий и звонкий шлепок прорезал недоумевающую тишину. Она долго, с надрывом, рыдала, запершись в ванной. А потом появилась ОНА. И теперь он мог уйти. Он покидал ее, тщательно избавляясь от малейших следов прошлой жизни, без сожаления вытряхивал из себя пыльные обрывки воспоминаний, которые хранились в нем без надобности долгие годы. Он выплюнул ей в лицо еще одну горсть оскорблений, они приклеились к ее бледной коже, как ненужная шелуха, делая ее грязной. Одинокой и грязной. Он ушел, даже не взглянув на нее. Тихо притворил за собой дверь. Оставленные им ключи, словно россыпь бриллиантов, торжественно блестели в электрическом свете.

Она долго сидела, обхватив себя руками, словно согреваясь от холода. Холода, которым он старательно, день за днем, выстужал ее изнутри все

эти годы. Потом встала, стряхнула с себя морок тяжелого, густого отчаяния, деловито собрала посуду со стола, который был накрыт к ужину. Выскребла тарелки, освобождая их от склизкой застывшей жижи, тщательно, до блеска вымыла посуду. Вышла на балкон. С опаской посмотрела вниз. Расправила руки, словно это были огромные белые крылья. И прыгнула.

Глава 1. Менеджер

Он ненавидел свою работу. Каждой клеткой своего изнуренного тела. Ему было здесь душно, тесно, он чувствовал себя чучелом глупого уродливого животного, выставленного напоказ. Люди ходили вокруг, брезгливо поджимая губы, бросая на него оценивающие настороженные взгляды. Он был для них обслугой. Халдеем. Человеком из ниоткуда. Проводником на очередной недолговечный островок роскоши и комфорта.

Он продавал автомобили. Дорогие, статусные железяки. Игрушки для богатых, пресыщенных зомби. Их загорелые лица, неестественно белые зубы, брендовые шмотки, душный аромат парфюма, — все эти атрибуты вызывали в нем непреодолимую тошноту. Он разговаривал с ними сквозь зубы, преодолая себя. Он не мог ничего с собой поделать. Он презирал этих пустых,

напыщенных, насквозь прогнивших людишек. Любовницы с накачанными ртами, любовники с капризно поднятыми бровками, толстые, обожравшиеся до блевотины боровы, молодящиеся старички с дряблой кожей и иссушенными руками в массивных золотых часах. Он часто задавал себе вопрос: «Что это?» Классовая ненависть? Зависть? Осознание собственной ничтожности? Он не мог это объяснить. Наверное, всего понемногу. Другие менеджеры с радостью выплескивали на потенциальных клиентов свою рабскую сущность: улыбались, делали комплименты, заискивали. А он не мог. Он не мог даже подойти к ним на нужное расстояние. Как будто он был церковным служкой, а они — посланниками ада. Или наоборот.

В общем, продажи у него не клеились. У человека с перекошенным лицом, почти открыто излучающим неприязнь, никто ничего не покупал. Люди разворачивались и уходили. Стремительно и навсегда. Он знал, что рано или поздно такое поведение отразится на его карьере. И сегодня его настигла расплата.

«Вы уволены».

Он не сопротивлялся. Наоборот, внутри него расправила крылья маленькая белая птичка. Зачирикала несмело, все выше поднимая голову. Он кивнул и расслабил напряженные плечи. Облегчение. Пожалуй, этого слова было

достаточно, чтобы описать его текущее состояние.

Дальше все произошло быстро, все формальности уладили еще до обеда. И вот он, сопровождаемый затравленно-сочувственными взглядами бывших коллег, покидает просторный, пахнувший успешностью, автосалон, обхватив невидящими руками картонную коробку с нехитрым офисным скарбом.

На улице его встретило солнце. Он прищурился, как узник, выбравшийся из темного подземелья. Погрузил свой багаж на заднее сиденье машины, сел за руль, включил музыку. Хаос тяжелого рока заполнил салон, проникая в каждую пору его освобожденного тела. Немного кольнуло чувство неизвестности, но он отмахнулся от него и решительно повернул ключ зажигания. Он не был несчастен. Его ждали дома.

Она вышла ему навстречу голая и растерянная. Как птица, которую спугнул неосторожный охотник. Он сразу все понял. Не говоря ни слова, отстранил ее, рывком распахнул дверь спальни. Голый мужик торопливо заворачивался в одеяло. Он с трудом подавил в себе приступ нервного, истерического смеха. Повернулся к ней, посмотрел в глаза.

«Вот же блядь», — только и смог он произнести.

Прошел на кухню, поставил чайник. Закурил.

В спальне слышалась торопливая возня, приглушенные испуганные голоса. Воровато захлопнулась входная дверь. Она зашла на кухню. Села напротив него, плотно запахивая полы длинного халата, отчаянно спасаясь в его тяжелых складках.

— Саша, я...

— Пошла вон. — он произнес это устало, буднично, как будто отправлял ее в магазин за хлебом, а не прочь из его стремительно пустеющей жизни.

Она все поняла. Она была умной девочкой. Собиралась она быстро, ловкими, отточенными движениями опустошая переполненные шкафы. Долго плакала над жадно раскрытым чемоданом. Он вдел в уши наушники и сделал погромче. Сидел, прикрыв усталые, измученные глаза, постукивая пальцами по столу в такт ритмичной мелодии.

Когда он открыл глаза, окно было заляпано акварелью надвигающихся сумерек.

В квартире царила гулкая всепроникающая тишина.

«Мы Вам перезвоним», — десятки мужчин и женщин, закованные в крепкие доспехи беспристрастности, растерянно вертели в руках его незамысловатое резюме. Их мысли были далеко. Им не было дела до маленького никчемного

человечка, лишившегося средств к существованию. Они все задавали и задавали свои бесконечно тупые вопросы, заваливали его тоннами психологических тестов, фальшиво улыбались, не глядя ему в глаза. Он все понимал. Он был одним из тысячи. Менеджер по продажам чего-то там. С явным оттенком мизантропии на лице. Он знал, что они не перезвонят. Он вежливо попрощался и уходил.

Деньги кончились. В кармане одиноко болтался измятый проездной на метро и полупустая пачка сигарет. В холодильнике — пакет молока и слегка заржавевшая банка шпрот. Его рука сама потянулась к маленькому белому лоскутку на стене. «На склад требуются рабочие».

Теперь его день стал простым и понятным, как рисунок первоклассника. С раннего утра до позднего вечера — чередка коробок, которые требовалось заклеить скотчем. Просто коробки и просто скотч. Коробки, коробки, коробки... Миллионы коробок. И скотч. Скрипучий, независимый, где-то даже упрямый. Но без скотча никак. Скотч был здесь главным. Главнее, чем человек. От него зависела жизнь этих вечно согнутых усталых людишек. Скотч был их боссом. Он платил им, он позволял им выполнять их работу качественно и в срок. Благодаря ему они могли покупать продукты и иногда даже одежду. Он

держал руку на пульсе. Он правил бал.

Мысли шныряли в голове с бешеной скоростью. Пока коробки, охая, перекатывались в его руках, пока их щели заполнялись плотной надежной липкостью, он ловил разбегавшиеся в стороны мысли и пытался упорядочить их. Иногда получалось. Чаще — нет. Потом он возвращался домой, готовил нехитрый ужин и ничком падал в постель. Тут же его настигал тяжелый, свинцовый сон. Без сновидений и душевных терзаний. Потому что устал. Потому что не было сил. Потому что пальцы склеились между собой, превратившись в гребаные плавники, а спина горела огнем. Утром звонил будильник, он принимал душ, пил крепкий кофе и выходил в холодную предрассветную морось.

И начиналась новая битва. Коробки. Скотч. Предательство. Пустота.

Глава 2. Перелом

На складе тонкой струйкой текла своя маленькая жизнь. Грузчики спали с кладовщицами, рабочие пили горькую в обеденный перерыв а после, дыша густым перегаром, с удвоенной силой мотали скотч. У него появился свой круг общения, — узкий и ненадежный, как зыбучие пески на пологих берегах его настоящего, но, тем

не менее, он мог рассчитывать на некое подобие дружбы. Один из его новых знакомых, шустрый быстроглазый Игорек, был особенно внимателен к новому сотруднику. Он охотно делился с ним бутербродами и ошметками своей нескладной жизни. Дом сгорел, жена умерла, родителей он никогда не видел. И жалко его было, и смешной он был, и нелепый. Но работал он быстро, в его маленьких цепких руках так и мелькали картонные глыбы коробок, которые он играючи укрощал скрипучей липкой лентой. У Игорька никогда не было брака. Все коробки сверкали гладкими, словно отполированными боками, притягивали глаз острыми безупречными гранями. Его мастерство вызывало зависть у его менее проворных коллег, но на колкие замечания он только тихонько посмеивался, а гора коробок перед ним неумолимо таяла, словно порция сливочного пломбира.

Игорек не любил, когда его жалели. Он был сильным. С виду он был шуплым, невысоким, со смешно растопыренными руками, как у неумело вылепленного снеговика, но в нем чувствовался внутренний свет. Он мог помочь незнакомой женщине донести тяжелые сумки до остановки, мог на последние деньги купить шоколадку плачущему ребенку, мог заступиться за девушку, к которой привязались хулиганы. Он был как маленький добрый волшебник.

Игорька убили в пьяной драке в общежитии. И Саша снова остался один.

Склад закрыли неожиданно и бесповоротно. Посреди смены в здание ворвались люди в черных масках с автоматами в руках, всех вывели на улицу, предстояла долгая проверка документов.

Саша успел перекинуться парой слов с бригадиром. Его скупой прогноз не предвещал ничего хорошего. Оказалось, они так тщательно и аккуратно упаковывали фальшивые лекарства. Их продавали смертельно больным людям, в которых еще жила надежда. Надежда на то, что эти лекарства помогут, спасут. И все будет хорошо. Снова.

Все закончилось глубокой ночью. Их отпустили по домам, вежливо попросив не выезжать из города. Александр, шатаясь, брел вдоль пустынного шоссе, в глазах стояли застывшие, как застарелая смола, слезы. Они убивали людей. Каждый час, каждую минуту они с остервенением паковали бесполезную смертельную пыль.

Он остановился на миг, сжал в кулаки свои липкие пальцы. Хотелось выть. Хотелось упасть на землю и кататься по ней, сдирая с себя кожу вместе с остатками клея и картонной пыли.

Он пил много дней. Вся накопившаяся за последнее время боль взорвалась в нем и запылала внутри ярким сокрушительным пламенем. Водка обжигала горло, туманила разум. Но легче не становилось. На миг его настигало короткое забытие и снова выбрасывало на берег сознания, усеянный мелким крошевом его раздробленной жизни. Его воспаленный мозг, как последний мазохист, плотной губкой впитывал в себя тяжелые мрачные мысли. Неотвязные. Липкие. Как скотч.

Звонок телефона острым ножом разрезал его реальность, разбросанную по углам комнаты. Он рывком сел на постели и потерянно огляделся. Пустые бутылки, грязная одежда, заляпанные тарелки, воинственно ошестинившиеся острыми пиками окурков. Он прижал пальцы к вискам. Телефон продолжал звонить, этот резкий настойчивый звук, казалось, навсегда повис в затхлом отравленном воздухе.

— Саня, это Костик со склада! — услышал он звонкий, возбужденный голос. — Ты дома? Ты как вообще?

— Никак, — прохрипел он, шаря вокруг себя неподвижными пальцами в поисках сигарет.

— Саня, давай я приеду! Разговор есть, серьезный!

— Не, не надо, — вяло запротестовал он.

— Я выезжаю, буду через полчаса! Водку брать?

— Бери, — сдался Александр. В горле пересохло, голова раскалывалась, а пустая батарея бутылок по периметру комнаты вселяла непреодолимую тоску.

Он приехал, радостный, покрасневшийся с дороги и в предвкушении, загремел бутылками, зашуршал пакетами с нехитрой закуской. Наконец, все приготовления закончились, они опрокинули в себя по маленькой порции водки: острой, пряной, дышащей ледяным паром. Молча, не чокаясь. Словно договорились заранее. Костя крикнул, захрустел скользким пупырчатым огурцом. Саша закурил. Пространство постепенно обретало формы. Строгие очертания комнаты расставляли предметы по местам, приручали их, подчиняли. Он опять возвращался в свою маленькую нелепую жизнь.

— Склад снова открылся, — торжественно произнес Костя. — Нас всех зовут обратно.

— Как открылся? — Саша уставился на него в недоумении.

— А что здесь такого? Дали денег кому надо, дело замяли. И снова завертелось...

— Что там завертелось?! Это же преступный бизнес! Это человеческие жизни! Как это — завертелось? — он вскочил, заметался по комнате,

натываясь на выступы стен.

— А ты что, не знал, что ли? — осторожно спросил Костик. Его рука застыла в воздухе с жирной блестящей вилкой.

Саша замер. Тело стало тяжелым, как будто в него насыпали мокрый песок. Медленно, как во сне, повернулся к нему.

— А ты знал?

Костя смотрел на него своими белесыми глазами, тщательно прожевывая огромный волокнистый кусок переваренного мяса. Сглотнул. Выпрямился и с вызовом произнес:

— Многие знали. А что в этом такого? Деньги не пахнут.

Глаза заволокло плотной багровой пеленой. Руки сжались в кулаки, тело напряглось, как перед прыжком в неизвестность. Саша подскочил к нему, схватил за воротник, затряс что есть силы, так, что его очертания рассыпались в глазах осколками разноцветной мозаики.

— Ты, сука, мразь! — заревел он в его испуганное лицо. — Вы все мрази! Вы нелюди!

— Отпустиииии! — завизжал, захныкал Костя, ставший вдруг маленьким и съежившимся в желтый шершавый комок.

Саша оттолкнул его, он повалился на пол, отчаянно брыкаясь худыми острыми коленками.

Саша сел за стол, обхватил голову руками.

— Саня, — несмело позвал его Костя.

Он не хотел с ним говорить. Он не хотел его видеть. Он хотел вычеркнуть из памяти все, что связывало его с этой страшной конторой, безжалостно перемалывающей человеческие жизни.

Дальше они пили молча. Спустя несколько часов Костик осоловело повел глазами, дернулся, как будто вспомнил что-то важное, и блуждающей, неуверенной походкой вышел из комнаты. Вернулся. На лице его царила умиротворенная улыбка. В руке блестел остро заточенный нож.

— Я не мразь, — четко и уверенно произнес он и двинулся к нему, занеся равнодушное лезвие над своей рыжей вихрастой головой.

Глава 3. Пробуждение

Белизна была всюду. Она настойчиво проникала под закрытые веки, просачивалась сквозь кожу. Он открыл глаза. Первое, что он увидел — это пальцы его собственных ног, нелепо торчащие из-под тонкого одеяла. Повернул голову. Руки были прошиты прозрачными трубками, тянущимися к длинным треногам капельниц. Было холодно. Он попытался вспомнить, как оказался здесь. Его память была завалена обломками старых кораблей, их мачты одиноко белели вдали, отказываясь выдавать хоть крупицу правды. Он

осторожно прислушался к своему телу. Боли не было. Тело затекло и отяжелело, но это было объяснимо. Неизвестно, сколько он здесь провалялся. Он приподнялся повыше, перебирая ногами по скользящей под ним простыне. Голова закружилась. Он глубоко вдохнул и задержал дыхание.

Вдруг в его мозгу блеснула маленькая блестящая искра. Он ухватился за нее, осторожно подул, раздувая пламя. Воспоминания хлынули мощным потоком. Они напоззали друг на друга, как плотные грозовые облака. Их было много, он барахтался в них, задыхаясь. Он вспомнил все. До мельчайших деталей. Он даже разглядел мелкие рыжие волосы на пальцах Костика, сжимающих рукоятку ножа. Он снова пережил эту боль. Он снова сжал зубы до скрипа. Он снова оказался у подножия старой винтовой лестницы. А за спиной его взвился огненный столп.

Краем сознания он отметил, что слишком тихо вокруг. Так тихо, что он слышал мерный стук своего сердца. Ни шагов в коридоре, ни голосов, ни шума улицы за окном. Он словно находился в непроницаемом вакууме. Его окружала полная, безграничная тишина.

Он выдернул из рук тонкие иглы и сел на постели. Кровь гулко стучала в висках. Под кроватью, аккуратно прислоненные друг к другу,

стояли его потрепанные ботинки. Их покрывал абстрактный узор засохшей свернувшейся крови. Он поднял больничную рубашку, осмотрел свое тело, насколько мог. Над левой грудью расплылся в кривой усмешке длинный уродливый рубец. Костик старательно целился прямо в сердце. Тело охватила противная мелкая дрожь. Он попытался успокоиться, но получалось плохо. Этот урод мог убить его, зарезать, как свинью. Он помнил, как отбивался от настигающего его неумолимого холодного лезвия, как пытался поймать его мерзкие руки со скрюченными пальцами. Он помнил тупую теплую боль от первой нанесенной раны. Он помнил свое удивление, когда на светлые обои хлынул фонтан неестественно яркой крови. Его крови. И последнее, что отпечаталось в его мозгу: он отталкивает от себя своего противника и выбегает на лестничную клетку. Кто его спас? Почему Костик не смог завершить начатое? Как давно он здесь? Множество вопросов толпились у входа в его сознание, оставаясь без ответа.

Он приоткрыл дверь больничной палаты и выглянул в коридор. Пустынное пространство растянулось от края до края, упираясь в зеленую табличку с жизнерадостной надписью «Выход». Он двинулся туда. Осторожно, крадучись, словно преступник. Толкнул безликую серую дверь. От того, что она не поддавалась, чуть не растянулся на

пороге. Толкнул снова, уже прилагая усилия. По ту сторону двери что-то мешало. Что-то большое. Тяжелое. Неподвижное.

По коже пробежал неприятно кусающий холодок. Что это может быть? Он широко расставил ноги, прижался плечом к полотну двери, с силой надавил. Дверь нехотя повиновалась и поехала в сторону. Медленно, но верно путь освобождался. Когда проем разверзся настолько, что можно было в него пройти, он, тяжело дыша, выглянул наружу. Взгляд лихорадочно цеплялся за страшные декорации. Мужчина в белом халате лежал на спине, его руки были безвольно раскинуты в стороны, словно он хотел обнять весь мир. Хотел, но не мог. Потому что был мертв. Над ним витал легкий тошнотворный запах, насыщенный сладостью миндаля. Первым желанием Саши было захлопнуть эту чертову дверь. Но он с трудом взял себя в руки и, осторожно перешагнув через тело, выбрался за пределы больничного коридора. Судя по всему, он оказался в приемном отделении. Стойка регистратора пустовала, по полу были разбросаны бумаги и канцелярские принадлежности. Стулья, как раненые солдаты, беспорядочно валялись вокруг, беспомощно растопырив железные ноги. Битые стекла противно скрипели под ногами. Трупов больше не было, но на всякий случай он готовился к худшему. Живых

людей не было тоже. Больница была пустынна и разгромлена до основания. Нужно было уходить отсюда. Чем быстрее, тем лучше. Он пересек просторный зал наискосок и снова оказался в полутемном коридоре со множеством похожих друг на друга дверей. Полуостров выхода светлел вдали белой казенной краской. Он ускорил шаг. Тоненький жалобный плач достиг его, когда он почти добрался до цели. Как будто кто-то повернул ручку приемника и неожиданно быстро настроился на неизвестную радиоволну. Теперь он не мог уйти. Если он уйдет, этот плач будет преследовать его до конца дней. Он тихонько выругался и, спотыкаясь, двинулся на звук. По обе руки от него светлыми пятнами были размазаны две глухие белоснежные двери. Одна — с красноречивой надписью «WC», а вторая — с изображением вилки и ножа. Плач доносился из-за «WC». Он бесшумно приоткрыл ее и заглянул внутрь. Грязь и хаос царили и в этом помещении. Пол усеивали черепки разбитого казенного фаянса. Стены с отбитой кафельной плиткой презрительно скалились, как рот беззубого старика. Выданный с корнем аппарат для сушки рук сиротливо болтался на тоненьких проводах.

В углу копошилось нечто в грязно-белом халате. Видимо, это и был источник плача. Это был мужчина. Он сидел спиной к нему, сжавшись в тугую болезненный ком. Безмолвный, трясущийся,

жалкий. Он весь был пропитан страхом. Страх сочился из его пор едким удушливым паром, окутывал его с ног до головы, как плотное грязное облако.

— Эй, мужик! — Саша подошел к нему ближе, дотронулся до плеча.

Он затравленно повернулся, его лицо исказилось от ужаса.

— Нет! Нет! Нет! Нет! — он отчаянно, надрывно закричал, закрыл лицо руками, замотал головой.

Саша прицелился и подхватил его под мышки, стремясь рывком поднять на ноги. Мужчина сопротивлялся и тянул его вниз. Подошвы заскользили по грязному полу, нога неловко вывернулась и он с размаху плюхнулся на жесткий ледяной кафель, больно ударившись локтем. С трудом поднялся, потирая ушибленное место.

— Мужик, ну ты... — взгляд его упал на огромный осколок зеркала, заботливо, словно специально для него заботливо оставленного висеть на стене. Правую сторону лица, от виска до ямочки на подбородке, пересекала отвратительная борозда ярко-бордового шрама. Он был резко очерченным, похожим на глубокую расселину в скале; края его наплывали над поверхностью кожи, отчего лицо казалось перекошенным в сторону, как у брошенной в костер пластмассовой куклы. Один

глаз был печально опущен вниз, придавая ему вид обиженного на весь мир жалкого нелепого клоуна. Саша поднес руки к лицу, медленно, едва касаясь, провел пальцами по щеке. Ощутил чужеродную, горячую шероховатость. Она была словно впаяна глубоко внутрь. Хотелось заорать в голос. Хотелось ослепнуть и никогда больше не видеть себя таким. Bravo, Костик! Он навсегда обезобразил его.

Глава 4. Внутри

Он тащил его, визжащего, сопротивляющегося, отчаянно молотящего руками, по безликому больничному коридору. У двери с надписью «Ординаторская» силы оставили его. Он прижал его к стене и схватил за горло.

— Заткнись! — рявкнул он в его заляпанное слезами лицо. Замахнулся, ударил его по щеке слегка расслабленной ладонью.

Он мгновенно затих и обмяк в его цепкой хватке. Глаза приняли осмысленное выражение, они больше не бегали где-то наверху под тяжелыми нависшими веками.

— Давай просто уйдем отсюда. Хорошо? — он пристально посмотрел ему в глаза.

— Хорошо, — эхом повторил он.

Саша удовлетворенно кивнул и отпустил его. Тот обессиленно прислонился к обшарпанной стене

больничного коридора. Саша повернулся и быстрым шагом направился к выходу.

Массивная двойная дверь затаилась и ждала, чтобы ее распахнули. От внешнего мира их отделял только длинный, искривленный временем, засов, который следовало отодвинуть. Но Саша медлил. Что-то насторожило его в этой обманчивой простоте. И не зря. Снаружи раздались сухие лающие выстрелы. Он отпрянул от двери. Огляделся вокруг, лихорадочно соображая, как действовать дальше.

— Телефон. Здесь есть телефон? — спросил он у своего спутника.

Тот стоял, неестественно вытянувшись, как стрела, готовая вылететь из лука в любую секунду.

— Ннет... — он отрицательно помотал головой. — Связь не работает. Уже давно.

— Запасной выход? — быстро метнул в него Саша следующий вопрос.

— Он там, — он протянул дрожащую руку в сторону коридора, из которого они только что вышли.

— Пойдем, покажешь, — Саша обогнул его, случайно задев грудной клеткой его трясущиеся плечи, и скрылся во мраке узкого коридора.

Они снова оказались в приемном покое. Человек в белом халате неуверенно указал на дверь, ведущую в новое помещение. «Только для

персонала» — угрожающим предупреждением краснела строгая надпись. Саша повернул ручку. Служебное помещение представляло собой короткий аппендикс, по обеим сторонам которого были глухие белоснежные двери. А впереди — уходящая вниз серая ободранная лестница.

— Туда, — человек в белом халате указал на лестничный проем, утонувший в окружающем их мраке.

Они спустились вниз. Саша запнулся о пустое металлическое ведро, оно с грохотом покатилося по полу, пронзая застоявшуюся тишину.

«Твою мать», — тихонько ругнулся он. Тишина воцарилась снова, ее нарушало только тяжелое, надсадное дыхание его перепуганного спутника.

Они оказались на тесном заплеванном пяточке. Покореженный стул с забытой на нем пачкой сигарет, тяжелая напольная пепельница, переполненная окурками, огнетушитель — неммым укором висел в углу.

Саша радостно схватил почти полную пачку, потряс ее, наслаждаясь глухим перестуком сигарет внутри. Заглянул, надеясь отыскать внутри еще и зажигалку. Но это было бы слишком хорошо.

— Зажигалка есть? — обратился он к своему спутнику.

— Нне курю, — с сожалением ответил он,

услужливо похлопав себя по карманам.

— Плохо, — констатировал Саша.

Запасной выход украшала табличка с нарисованным на ней радостно убегающим человечком. Саша позавидовал его легкости и свободе. За дверью была тишина. Она могла быть обманчива, но других вариантов не было. Он потянул за железную ручку. Дверь была заперта.

Саша шумно вздохнул и присел на шаткий ненадежный стул. Поднял глаза на незнакомого ему человека. Тот стоял, опустив голову, его руки беспокойно теребили пуговицы на грязном халате.

— Ключи не знаешь, где могут быть? — спросил он, заранее зная ответ.

— Не знаю, — тихо ответил он.

— Ладно, — Саша вытащил из пачки сигарету, размял ее в пальцах, наслаждаясь, вдохнул терпкий смолистый аромат. С сожалением вернул сигарету обратно. Задумчиво повертел пачку в руках.

— А ты кто вообще? — спросил он, пристально глядя на растерянно мнущегося перед ним человека.

— Я... врач. Я... Меня зовут Марк, — залепетал он. Слова спотыкались, сталкивались друг с другом, дрожали и перекатывались в капризных изломах его дрожащих губ.

— Понятно. — он снова занялся пачкой.

Потом встал, разминая затекшие плечи.

— Пойдем, Марк, — позвал его он, направляясь к лестнице. — Подождем, пока стемнеет, а потом аккуратно выйдем отсюда.

Марк всхлипнул то ли от страха, то ли от облегчения, и покорно последовал за ним.

Они расположились в приемном покое, прямо на жестком разлинованном полу. Саша разбил стекло аппарата со сладостями и они сидели, шурша обертками и давясь приторной шоколадной липкостью.

— Как ты здесь оказался?

— Я... сюда ворвались люди... они стреляли. Кричали... Я спрятался...

Он выдавил из себя несколько отрывистых фраз и замолчал. Воздух с шумом вырывался из его вычурных, словно вывернутых наизнанку, ноздрей.

— Где все люди? Здесь только один мертвый человек в коридоре. И ты.

— Я не знаю... Я спрятался... — упрямо сдвинув брови, пробубнил Марк.

— Понятно.

Они помолчали.

— Пить хочу. Пойду попью, — сказал Саша, поднимаясь.

— Нет! — Марк вскочил следом, схватил его за рукав.

— Не ори ты. Надоел. Хочешь, пошли со

мной.

В туалете он умылся холодной водой, припал губами к блестящему вороненому крану. С наслаждением напился. Марк смотрел в пустоту прямо перед собой, будто заново переживая то, что ему довелось вынести.

— Давай, соберись, — строго сказал ему Саша, пытаясь предотвратить новую волну бесполезной выматывающей истерики.

Марк судорожно кивнул и сморгнул надвигающиеся слезы.

Они вернулись на облюбованное место. Саша свернулся калачиком на полу, подложив под голову забытый кем-то пуховый платок.

— Я посплю пока, — сонно сообщил он Марку. — И ты поспи.

— Нет! — он встрепенулся и энергично замотал головой.

— Ну, как хочешь, — Саша отвернулся к стене и прикрыл глаза. Мягкий ласковый сон накатывал постепенно, как прибрежные волны. Теплые, обволакивающие. Зовущие за собой.

Он проснулся, когда за окнами сгустились плотные сумерки. Марк сидел рядом, настороженно вслушиваясь в тишину.

Саша легко вскочил на ноги и вопросительно посмотрел на Марка.

— Ну что, попробуем выбраться отсюда?

Тот осторожно кивнул и тоже поднялся.

Они снова подошли к враждебному прямоугольнику двери. Снаружи ничего не было слышно. Окна, выходящие на больничный двор, были безжалостно выкрашены белой краской, посмотреть, что творилось на улице, не представлялось возможным. Саша собрал все свои силы и медленно потянул в сторону непокорную тяжелую щеколду. Осторожно приоткрыл дверь. Выглянул во двор. Никого.

— Пошли, — шикнул он стоящему рядом Марку.

Они, как две крадущихся тени, выбрались из здания и оказались в пустынном, словно застывшем во времени, пространстве. Неподалеку от них Саша приметил одиноко притулившуюся «Газель».

— Идем туда, — тихо, одними губами произнес он, указывая кивком головы на белеющий в темноте силуэт машины с красным крестом на боку. Марк дрожал всем телом и отказывался двигаться вперед.

Саша повернулся к нему, заставил посмотреть в глаза.

— Слушай. Все закончилось. Мы в безопасности. Все будет хорошо.

Его слова решительно опроверг оглушающий грохот выстрела. Он упал на землю, увлекая за собой Марка.

Глава 5. Мертвый город

Огромный бородатый мужик в рваной тельняшке словно вырос из-под земли. Он возвышался над ними, как огромная непокорная скала. Он энергичным взмахом вскинул ружье, так, что равнодушное черное дуло уставилось прямо на них. Ствол оружия лихорадочно перемещался в его руках, то оживая, то снова засыпая, неся в себе угрозу и разрушение. Владелец ружья был похож на фотографа, который старательно искал нужный ракурс и никак не мог найти. Он смотрел на Марка Молча. Не сводя с него глаз. Марк стоял неподвижно, его лицо казалось высеченным из камня. Только крупные капли пота усеяли лоб, как прозрачные оспины. Глаза незнакомца потеплели, рот раздвинулся в жуткой улыбке.

— Я нашел тебя! — в его словах была и радость, и облегчение. Как будто он встретил старого друга, с которым не виделся тысячу лет.

Марк молчал. Кусал обескровленные губы и избегал взгляда этих бычьих глаз, налитых отравленной яростью кровью.

— Пожалуйста... — Марк выдавил из себя это слово и оно закружилось в воздухе, как маленький бесцветный мотылек.

— Молчать, сука! — оглушительно заорал человек с ружьем. — Я убью тебя! Голыми руками

убью, ты понял?! Ублюдок! Мразь! — его лицо исказилось от ненависти, он превратился в опасного дикого зверя, у которого была только одна цель: уничтожить все живое вокруг.

Саша лихорадочно подыскивал нужные слова, чтобы отвлечь его, сделать слепой и размытой грязно-белую мишень по имени Марк. Только бы он не выстрелил. Только бы...

— Подожди! — он медленно поднял руки, слегка опустил голову, показывая свою покорность. — Успокойся. Пожалуйста, успокойся! Все можно решить!

— Ничего уже не решить! Ничего! — он затрясся всем телом, лицо его сморщилось в застарелом страдании, глаза превратились в узкие щелки, наполненные мутной просоленной влагой. И добавил, увязая в топком болоте отчаяния: «Он убил мою дочь».

— Я не убивал, — тихой скороговоркой произнес Марк.

— Заткнись! — заревел он и сделал шаг навстречу. Этот шаг неумолимо приближал их к беде.

Саша готовился к прыжку. Он понимал, что если просто стоять и ждать, обезумевший человек в конце-концов наберется смелости и выстрелит. Его руки не дрожали, он держал оружие твердо и уверенно. Он был почти готов.

— Что он тебе сделал? — спросил Саша, не сводя глаз с его массивного пальца, тяжелым камнем лежащего на курке.

— Он убил... Убил... — его голос стал глубже, насыщеннее, он словно заново осознал значение этих слов и теперь желал целиком отдаться своему горю. Покориться ему. Насытиться им, наконец.

В следующее мгновение его лицо изменилось. Оно стало жалким, потерянным, постепенно угасающим, как свечной огарок.

— Слушай, мужик, иди своей дорогой, а? — он с надеждой посмотрел на Сашу. Саша молчал. — Отдай мне его. Я должен его уничтожить. Понимаешь, должен! Я не смогу жить, пока он здесь, жрет, пьет, как будто ничего не случилось. Как будто он не виноват...

Боль схватила его крепко, вцепилась пальцами в его незащитное горло. Он пошатнулся, но устоял на ногах. Его лицо стало бледным, покрылось испариной.

Вдруг он закашлялся тяжело и надсадно. Упал на колени. Ружье выпало из его рук и утонуло в острой зеленой траве. Саша бросился к нему, отшвырнул оружие в сторону. Бородач лежал на спине, как беспомощный перевернутый жук, его руки вцепились в застиранные полосы тельняшки — туда, где рваными толчками билось его

истерзанное сердце. Он хватал ртом воздух, хрипел, дергал ногами, словно хотел убежать. Вся ярость испарилась из его исполинского тела, как будто внутри него выключили свет.

— Помоги ему! Что ты стоишь?! — заорал Саша на неподвижно застывшего Марка. Тот не двигался с места.

— Помоги ему! — повторил он в отчаянии.

Но было уже поздно. Человек замер и перестал дышать.

Марк подошел ближе. Коснулся неподвижного тела носком ботинка. Наклонился к нему, потрогал пульс на его мощной шее, до краев наполненной остывающей кровью.

Отрицательно помотал головой, тщательно отмеряя нужную дозу сожаления.

Саша бессильно опустился на колени рядом с безжизненным телом. Он чувствовал себя опустошенным, беспомощным, ничтожным. Как же быстро приходит смерть...

В его густой бороде запуталась маленькая травинка. Саша хотел убрать ее, чтобы человек достойно выглядел после смерти. Потом передумал. Это всего лишь травинка...

Он провел рукой по своему лицу, словно пытаясь стереть с него пережитое напряжение. Натолкнулся на грубый выступ вживленного в него шрама, отдернул руку.

Трепетно потянулся к ружью, одиноко лежащему неподалеку. Нащупал пальцами гладкую прохладу ствола, невольно залюбовался плавными, совершенными линиями. Он поднял взгляд на Марка, так и оставшегося сидеть рядом с остывающим телом. Он словно не замечал ничего вокруг. Смотрел на мертвого бородача, не мигая, жадно впитывая в себя блеклые краски чужой смерти. На его лице блуждала легкая улыбка.

— Слышь, ты, придурок? Тебе смешно? Весело тебе?

— Прости. Это... нервное, — к нему вернулась его неуверенность, он снова стал маленьким испуганным человечком.

— Человек умирал на твоих глазах! А ты и не дернулся ему помочь! Доктор, мать твою! — Саша злился на Марка, но где-то глубоко внутри понимал, что это просто стечение обстоятельств. Несчастный случай. Их вмешательство вряд ли могло что-то изменить.

— Я бы не смог. Все слишком быстро произошло, — оправдывался Марк.

— Почему он сказал, что ты убил его дочь? — резко спросил Саша. Он пристально вглядывался его лицо, стараясь уловить в нем любые оттенки фальши.

— Я никого не убивал. Я никогда не видел этого человека, — пустым, механическим голосом

ответил Марк. На его лице теплым воском застыло спокойствие.

Саша махнул рукой и поднялся на ноги, опираясь на мощный ствол обретенного им оружия.

— Пошли. Полицию надо вызвать. Пусть разгребают это дерьмо.

Они покинули полуразрушенный больничный двор. Выход на улицу обрамляла изящно изогнутая арка. Она возвышалась над ними, она была загадочна и безмолвна. Ее плавные линии манили в себя. Она не была ни врагом им, ни другом. Она была словно порталом между двумя изменчивыми мирами.

Саша прошел через арку и оказался на улице города. И остолбенел.

Вросшие друг в друга, неподвижные машины зияли разбитыми стеклами. Черные окна домов, как пустые глазницы, смотрели на него без тени смущения. Детская коляска, измазанная сажей и пеплом, лежала на боку, словно раненый зверь. Казалось, что она тяжело и часто дышала. Фонари — бесполезные, давно потухшие факелы, беспорядочно торчали из-под земли. Перевернутый мусорный бак с отвращением исторгал из себя склизкий догнивающий мусор. Всюду валялись проржавевшие железные балки, куски черепицы, кирпичи, обломанные, будто надкусанные голодным неведомым зверем. Перекошенный остов

автобусной остановки был сплошь исписан мрачной графической чернотой. Когда-то ровный асфальт вызывающе вспенился, будто из-под земли безуспешно пыталось выбраться огромное страшное существо. Изрубленные, искалеченные деревья тянули к небу кривые обветренные корни.

На него смотрел пустой, безлюдный, разрушенный город. Мертвый город.

Глава 6. Скол

Они метались по пустым равнодушным обломкам много часов. Полицейский участок, пожарная часть, школа, детская поликлиника, — все было необратимо заброшено и разрушено до основания. Страшные, чумные декорации проникали в каждую пору, отравляли кровь, дурманили разум. Они были в центре хаоса. Их было только двое.

Отчаяние медленно вгрызалось в их оглушенное сознание, опустошая, лишая их сил.

Страх. Растерянность. Непонимание. Все это сплеталось между собой в причудливый объемный узор, не оставляя ни малейшего просвета для надежды и напрасного ожидания.

Саша хотел только одного: проснуться. И никогда больше не видеть подобных пугающе реальных снов.

Утомленные окончательно, они приблизились ко мрачному одинокому зданию, оскалившемуся мутными резцами выбитых стекол. Яркая красно-желтая вывеска болталась на хлипком креплении, готовая в любую секунду камнем сорваться вниз. Кафе «Астория». Саша сглотнул сгусток голодной слюны. Желудок недовольно заворчал, как старый, погрязший в своем одиночестве, сосед, немедленно требуя хоть какой-нибудь пищи.

— Давай зайдем, — предложил он шатающемуся от усталости Марку.

Им действительно не мешало отдохнуть.

Внутренности кафе были искусно обезображены. Словно безумный скульптор прошелся огромным резцом по теплым когда-то стенам, дорогой глянцевой мебели, сверкающим стеклам витрин. Все было раздавлено, сломано, уничтожено без капли жалости и сомнений.

Саша прошел на кухню. Марк остался сидеть в зале, примостившись на узком мате изодранного в клочья дивана.

Кухня являла собой нагромождение обломков некогда царившего здесь уюта. Саша ясно представил, как совсем недавно здесь витали манящие изысканные ароматы, слышался звон белоснежных сверкающих тарелок, бодрый стук остро заточенных ножей, тонкое тесто мелькало в

руках умелых поваров. А теперь... Зияющая пустота раскрытой духовки, заляпанной застарелым жиром, напоминала вход в маленькую игрушечную преисподнюю. Рассыпанная по полу крупа была изрядно подпорчена поголовьем расплодившихся мышей. Дверцы шкафов сорваны с петель, повсюду валялись столовые приборы, потемневшие, густо покрытые зеленой крошащейся коркой. Холодильник он отmel сразу. Света не было, и все, что там хранилось, давно превратилось в размякшие разноцветные останки. Он терпеливо шарил на пыльных растрескавшихся полках, заглядывал в темные норы шкафов, с лязгающим шумом двигал тяжелые заледеневшие жаровни.

Ему повезло. В закутке между вытяжкой и плитой он обнаружил стройную батарею чуть помятых консервных банок. Вскрыл их ржавым консервным ножом. Отнес в зал, бережно установил на шатком трехногом столе.

Они проглатывали пищу, не жуя. Их одолел запоздалый голод, который был согласен на все. Насытившись, Саша откинулся на спинку дивана и посмотрел на Марка. Тот сидел, жадно расправляясь с едой. Глотал, давился, снова жадно пихал куски в расщелину своего маленького безвольного рта. Саша торопливо отвел взгляд. Наконец, Марк перестал жевать и поднял глаза на Сашу.

— Я очень давно не ел, — виновато сообщил он.

Вдруг, словно вспомнив что-то важное, суетливо полез в карман. Долго шарил там, то и дело задевая Сашу острым плечом. Наконец, вытащил из кармана зажигалку и протянул ему. Его глаза светились от счастья. Он знал, что это самый лучший подарок.

— Где взял? — быстро спросил его Саша.

— Нашел. Пока ты был на кухне. Валялась на полу. Там, в углу.

Саша задумался. Он ни капли не доверял этому человеку. Марк скрывал от него что-то тяжелое, многослойное, свернувшееся тугим смертельным кольцом. Что-то плохое. Он прятал это что-то от всех, ревностно берег, защищал отчаянно и самозабвенно, укрывая в своих узких ладонях.

Быстрым, едва уловимым движением Саша забрал у него зажигалку. Стараясь не касаться его влажной прохладной кожи. Достал сигареты, поднес хлипкое дрожащее пламя к лицу, нетерпеливо затянулся.

Некоторое время они сидели молча.

Наконец, Саша собрал в своей затуманенной голове все необходимые ему мысли и обратился к Марку.

— Скажи честно, ты знал его?

— Кого? — настороженно спросил Марк. Саше захотелось его ударить. Он понимал, что Марк спросил это только затем, чтобы выиграть время. Чтобы дать себе возможность спастись из расставленных Сашей ловушек.

— Того мужика с ружьем. Ты знал его?

— Я же сказал, я впервые его увидел, — голос Марка стал по-детски капризным, острый подбородок задрожал, словно от холода.

— Я не верю тебе, — Саша в упор посмотрел на него. Марк не выдержал и отвернулся.

— Твое право, — тихо ответил он.

— Ты правда убил его дочь? — Саша продолжал задавать вопросы, ничего не ожидая и ни на что не надеясь. Он понимал, что не услышит от этого человека ни слова правды.

— Нет! Я же сказал тебе — нет! — он вскочил с места, вытянулся в струну, оскалился, обнажая мелкие желтоватые зубы.

— Ладно, — миролюбиво произнес Саша. — Давай оставим эту тему. Пока. — он сделал акцент на последнем слове, давая понять Марку, что он этого так не оставит. Что рано или поздно он найдет ответы на все свои вопросы.

— А близкие люди у тебя есть?

Марк отрицательно помотал головой.

— Мать?

— Отец?

— Жена?

Марк едва заметно вздрогнул. Если бы Саша не следил за ним пристально, отмечая любое изменение в его лице, он бы и не заметил этого.

Некоторое время они молчали. О себе Саша не сказал ни слова. Делиться чем-либо с человеком, который блуждал в лабиринте собственной лжи, он не хотел.

Марк снова присел на диван, как можно дальше от Саши, осторожно балансируя на его неустойчивой поверхности.

— Как думаешь, что случилось вообще? Ну, там, снаружи, — Саша махнул рукой в сторону закрытой двери.

— Там... там произошло что-то страшное. Что-то плохое.

— Ясен хрен, — невесело усмехнулся Саша. — Но что это? Ядерный взрыв? Стихийное бедствие? Война? Эпидемия? Что это?

— Я не знаю... Я даже боюсь предполагать...

— А ты не бойся! — ободряюще произнес Саша, похлопав его по плечу. Он хотел разворошить его, выцарапать из-под блестящей уродливой маски его истинное лицо. — Время у нас есть. Спешить нам некуда. Давай порассуждаем. Ты же умный человек, ты же врач. Выскажи свои предположения, а я послушаю. Только в туалет схожу, подожди минуту.

Он поправил ружье, ненадежно прислоненное к голой облезлой стене, украшенной бахромой осыпающейся штукатурки, и тяжело поднялся с дивана. Скрылся в темном, пропахшем сыростью, коридоре.

Когда он вернулся, Марк стоял перед ним, неподвижно и прямо. Неестественно прямо. Как бабочка, пронзенная иглой пытливого натуралиста. В его бледных руках было оставленное им оружие. Он целился в Сашу.

— Ты чего? — Саша удивленно замер на месте, словно с размаху врезался в плотное невидимое стекло.

Некоторое время Марк молчал, не отводя от него черных провалов неподвижно застывших глаз. Он вгляделся в них. В их обманчивой призрачной глубине медленно разрасталась воронка безумия. Оно обрастало плотью, оно жадно и неумолимо пожирало пустое пространство вокруг себя. Оно становилась реальным.

— Ты хотел уйти! Ты хотел бросить меня тогда! — выкрикнул Марк в его изумленное лицо. Саша не сразу понял, что он имеет в виду. Потом вспомнил последнюю просьбу бородатого мужика в больничном дворе. Это воспоминание заволочло рябью, подернулось легкой дымкой, словно все случилось в далеком прошлом, а не пару часов назад. Марк продолжал швырять в него

обвинения. — Ты жестокий! Равнодушный! Тебе плевать на других!

Это задело. Может, отчасти это и было правдой, но не ему было об этом судить. Он не имел на это права. Он был для этого слишком ничтожен.

— Что ты несешь, придурок? Я тебя из сортира за волосы вытащил, забыл, что ли?

Саша смотрел на его худое костлявое тело в грязном оборванном халате. На тонкие руки, неуверенно скользящие по совершенным изгибам направленного на него оружия. На бисеринки пота над верхней губой. На лихорадочный румянец, небрежно размазанный по небритым щекам. Он был жалок. И при этом смертельно опасен.

— Я не верю тебе! — Марк обрушился на него с новой силой. Как ураган, родившийся в темных бушующих водах: — Я не хочу тебе подчиняться! Почему ты решил, что ты главный?

— Ты хочешь быть главным? — помолчав, спросил его Саша.

Марк растерянно моргнул и ничего не ответил. Он просто стоял в нескольких шагах от своего придуманного врага, смотрел на него и молчал. Ружье поникло и выгнулось в его руках, почувствовав слабость своего нового хозяина. Вдруг Саша понял, что он не выстрелит. Он не способен на такое, в нем нет внутренней силы,

решимости. Нет острого злого стержня, царапающего жесткую оболочку сердца. А самое главное: он до смерти боится остаться один.

— Ладно, пойду я, — Саша отвернулся от него, жалкого, прочно увязшего в собственных страхах, и сделал легкое движение по направлению к выходу.

— Стоять! — Марк закричал ему вслед, его голос резким фальшивым аккордом зазвенел в полупустом помещении.

Саша медленно обернулся.

— Я выстрелю! Ты не знаешь меня! Я выстрелю! — угрожающе выкрикнул Марк.

— Стреляй, оно не заряжено, — Саша отмахнулся от него, как от назойливого насекомого. Снова повернулся к нему спиной.

Он дошел до середины зала. Ровно до середины.

Ружье с глухим стуком упало на пол. Марк догнал его, упал на колени, вцепился в его ноги своими ослабевшими, дрожащими пальцами, еще мгновение назад сжимающими неподъемную для них тяжесть.

— Прости меня! Пожалуйста! Прости! Я не знаю, что на меня нашло!

Саша брезгливо оттолкнул его от себя. Прошел в дальний угол зала, поднял брошенное Марком оружие. Приятная тяжесть наполнила его

ощущением безопасности. Марк следил за ним, как больное животное, спрятавшись в своем грязном, остро пахнущем укрытии.

— Оно же... не заряжено? Ты сказал, оно не заряжено... — тихо произнес Марк.

— Я пошутил, — резко ответил Саша. Поставил ружье на предохранитель, забросил его на плечо.

И быстрым шагом направился к выходу.

— Не бросай меня! — в отчаянии выкрикнул Марк. — Я боюсь один! Я не хочу! Я не смогу!

Саша остановился. Достал из кармана сигареты и закурил. Он стоял перед сломленным, обезумевшим от страха Марком и не чувствовал себя победителем. Марк плакал, закрыв руками лицо.

Он докурил сигарету. Бросил окурочок на пол, придавив его тяжелым ботинком.

Кинул в сторону Марка скупую небрежную фразу: «Пошли».

Глава 7. Зал ожидания

Они продолжали свой путь по городу, вмерзшему в вечность. Вокруг по-прежнему не было ни души; только ветер пел свою заунывную песню, отталкиваясь от разрушенных стен и набираясь сил в безлюдных пустых переулках.

Дома обступали их, словно мрачные молчаливые тени: их силуэты возвышались над городом, упираясь в купол серого неба, завешанного ключьями застиранных облаков. Саша бросал по сторонам настороженные взгляды, держа оружие наготове.

Они шли в на вокзал. Он располагался в центре города, до него было около часа пути. Саша планировал попасть туда глубокой ночью, убедиться, что там тоже царит разруха и запустение, переночевать там, а утром направиться к выходу из города. По пути он обследовал брошенные на дороге автомобили. Они давно умерли, преграждая им путь своими громоздкими железными телами, но он продолжал надеяться на чудо.

Марк молчал. Он плелся следом за Сашей, как старый преданный пес, спотыкаясь и падая от усталости, но упорно вставал и двигался дальше.

После того, что случилось, Саша не хотел даже слышать его голос, и его вполне устраивала эта напряженная, пристыженная тишина.

Здание вокзала показалось вдали острым незыблемым шпилем. Рельсы опутали все прилегающее пространство своей клейкой седой паутиной. Поезда стояли, понуро опустив головы, как усталые лошади. Стрелки часов на главной башне замерли на цифре «12».

Они зашли внутрь. Саша осмотрел помещение, удостоверился, что людей нет и здесь тоже.

Зал ожидания встретил их сдержанным молчанием. Величественные арки, впустившие в себя мрак и отчаяние, притягивали и тут же отталкивали своей раздавшейся вширь пустотой. Разбитые окна билетных касс, словно ржавые клетки, пугали и завораживали. Ряды покосившихся стульев тут и там зияли пустотами, напоминая черные полости от выбитых в пьяной драке зубов. Постепенно, шаг за шагом, в широкие окна просачивался слабый мерцающий свет. Наступало утро. Саша широко и вкусно зевнул и расположился на жесткой деревянной скамье с широкой укрывающей спинкой, поджав по себя ноги. Он крепко обхватил руками прохладный ствол вновь обретенного оружия. На Марка он не смотрел.

Резкий отрывистый крик вырвал его на поверхность реальности. Он вскочил, дико озираясь по сторонам. Остатки сна выветривались из его тела, выступая на поверхность каплями холодной росы.

Кричал Марк. Он сидел, скорчившись, в самом темном углу. Саша подскочил к нему, бухнулся рядом, заглянул в лицо. Оно расплывалось, кривилось в жутких гримасах,

приобретая причудливые абстрактные формы. Оно словно отделилось от его отяжелевшего тела и парило в пространстве, проживая свою собственную маленькую жизнь. Размытый фокус жидких, как ртуть, зрачков, смотрел в неведомую пустоту. Он кричал, громко и отрывисто, как большая хищная птица. В паузах между криками он что-то бормотал, сосредоточенно глядя в одну, известную только ему, точку. Его руки непроизвольно дергались, голова то кренилась на бок, то запрокидывалась назад. Тонкая струйка слюны, словно пушистая шерстяная нить, выбившаяся из оставленного кем-то клубка, моталась из стороны в сторону, растягиваясь и почти достигая его впалой, тяжело вздымающейся груди.

«Лети. Я ловлю. Лети. Я ловлю. Лети».

Он повторял эти слова снова и снова, звук его голоса нарастал, становился все громче и шире, как круги на воде.

Саша потряс его за плечо. Он не отреагировал, он словно находился в плотном непроницаемом вакууме.

«Марк!» — с тревогой воскликнул Саша, тщетно пытаясь перекрыть волну этих страшных повторяющихся звуков, перемежающихся отчаянными криками рвущейся из него боли.

Он не слышал его. Он оставался в глухом

ощепенении, он был отрезан от реальности, его целиком поглотило что-то темное, выбравшееся из глубин его подсознания, упрямое, злобное, неподвластное ему. Больше неподвластное.

Он кричал несколько часов подряд. Саша сидел рядом и крепко держал его за руку. Неожиданно крик оборвался на тонкой отрывистой ноте и Марк, обессиленный, рухнул на пол, закрыв, наконец, свои страшные, больные глаза.

— Ты кричал всю ночь.

— Со мной все в порядке.

— Я бы так не сказал.

— Мне приснился страшный сон. Я никак не мог проснуться.

— Твои глаза были открыты. Это был не сон, Марк. Это был приступ. Приступ чего? Ты болен?

— Я в порядке, я же сказал.

— Если ты болен, скажи.

— Я в порядке. Оставь меня в покое!

— Лети. Я ловлю. Кому ты это говорил?

— Я не помню. Это был сон.

— Ладно.

На улице разыгралось ласковое приветливое утро. Оно виляло хвостом, щурилось от удовольствия, позволяя гладить себя кончиками пальцев. Его гладкое прогретое тело разлеглось на

перекошенных крышах, лениво запуская на разбитый асфальт яркие солнечные блики.

Они шли бок о бок, погружившись в свои мысли, путаясь в них, оступаясь. И, когда между печально склоненными друг к другу домами промелькнула длинная полупрозрачная тень, они не заметили этого и продолжали идти вперед.

Глава 8. Другие люди

До выезда из города оставались примерно сутки пути. Им нужно было собрать необходимые вещи, воду, еду, желательны, патроны, — все, что помогло бы им дойти до следующего населенного пункта. Не просто дойти. Выжить. Что-то подсказывало Саше, что это безмолвие таит в себе большую опасность. Поэтому, прокладывая путь до края, он изменил привычный маршрут, включив в него магазины, в которых когда-то продавались простые банальные вещи, сегодня превратившиеся в необходимость. Он знал этот город. Это знание позволяло ему уверенно кромсать его поверхность, покрывать унылую пустынную карту тонкими линиями, соединяющимися между собой. Из-за крюков, которые он наметил по пути к цели, время в пути увеличилось, и в пункт назначения они должны были прибыть послезавтра утром. И это при условии, если они будут идти всю ночь, не

делая перерывов на отдых и сон. И если Марк ничего не учудит. И если им не встретится кто-то, способный отнять их время, а, быть может, и жизнь. Саша вздохнул. Слишком много «если». Прямо как в настоящей жизни.

Первым по списку был супермаркет: большой, когда-то сверкающий равнодушными огнями и зеркальными витринами. А сейчас превратившийся в потемневший от времени скелет огромной древней рептилии. Внутри было много места, но это усугубляло их рискованное положение. Чем больше места, тем опаснее. Между рядами полупустых шатких полок они были как на ладони. Но у них не было выбора. Маленькие уютные магазинчики были давно разграблены или разрушены чьими-то невидимыми руками. Поэтому им оставалось исследовать большие пустынные пространства, в надежде отыскать хоть что-то, мало-мальски пригодное для их новой жизни.

Саша изучал продуктовый отдел миллиметр за миллиметром, сгребая все, что находил, в перекошенную магазинную тележку. Тушенка, лапша быстрого приготовления, шпроты в масле, бутылки с водой, пачка сухарей, пара банок пива, кусок мыла, цветная россыпь зажигалок. Он собирал все это из глубин магазина, словно жемчуг со дна океана, радуясь каждой новой находке. Он бережно складывал свои сокровища в стоящую

рядом тележку и не мог избавиться от стойкого ощущения, что сейчас он пойдет на кассу, оплатит все это и выйдет на оживленную шумную улицу. Придет домой, расставит все по местам, включит телевизор, посмотрит новости. Не придет. Не включит. Не посмотрит. Только сейчас он осознал, что этот город отнял у него все. Отнял его мечты, стремления, маленькие победы и тихие радости. Отрезал от него огромный ломоть и засунул в рот, сочно перемалывая его крепкими стальными зубами. Поглощая без остатка. Растворяя его в себе. Саша зажмурился, прогоняя обратно, внутрь, упрямо наползающие слезы. Чтоб отвлечься, поискал глазами Марка.

Марк стоял во весь рост, не скрываясь, в закутке, заваленном книгами. Он с шумом перелистывал страницы, увлеченно погружаясь в чью-то выдуманную историю.

Саша подошел к нему быстрым, размашистым шагом.

— Ты что, совсем? — набросился он на Марка. — Я же сказал, не высовываться.

Марк с сожалением закрыл книгу. Поднял на Сашу печальные глаза.

— Удивительно, — тихим, задумчивым голосом произнес он. Они все забрали. А книги не тронули. Наше спасение в них, наши знания, наша сила... А они — не тронули...